Раздел 2. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ануфриева Г.В., доктор филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания и методики преподавания русского языка как иностранного,
Речкунова П.В., студентка 4 курса Института филологии и межкультурной коммуникации
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЕДА» В ПОЭМЕ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»)

Аннотация. *Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к русскому языку и культуре в условиях активного развития российско-китайских гуманитарных связей, а также сложностью передачи национально-культурных реалий в межъязыковом переводе. Материалом исследования послужил текст поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». В ходе исследования приемом сплошной выборки проанализированы лексические единицы, обозначающие традиционные блюда русской кухни. Установлено, что наиболее продуктивным является лексический способ перевода, реализуемый посредством описательного приема, лексико-семантической замены, обобщения, перефразирования и элементов культурной адаптации. Продуктивность способа обусловлена отсутствием прямых эквивалентов в китайском языке и необходимостью сделать культурно маркированные реалии понятными китайскому читателю, сохранив их роль в тексте. Грамматический и адаптивный способы используются преимущественно как вспомогательные и применяются в сочетании с лексическим для структурной и стилистической корректировки перевода. Полученные результаты подтверждают, что лексический способ перевода позволяет сохранить национально-культурную специфику русской гастрономической безэквивалентной лексики в китайском языке.*
Ключевые слова: безэквивалентная лексика, гастрономическая лексика, способы перевода, лексический способ перевода, культурная адаптация, художественный перевод, русско-китайский перевод, «Мертвые души», Н. В. Гоголь.

G.V. Anufrieva,
P.V. Rechkunova

METHODS OF TRANSLATING RUSSIAN NON-EQUIVALENT VOCABULARY INTO CHINESE (A CASE STUDY OF THE LEXICAL-THEMATIC GROUP «FOOD» IN N. V. GOLOL'S POEM DEAD SOULS)

Abstract. *The relevance of this study is determined by the growing interest in the Russian language and culture amid the active development of Russian–Chinese humanitarian ties, as well as by the difficulty of conveying national and cultural realia in interlingual translation. The research material was the text of the poem Dead Souls by Nikolai Gogol. In the course of the study, lexical units denoting traditional dishes of Russian cuisine were analyzed using the method of continuous sampling. It was established that the most productive approach is the lexical method of translation, implemented through descriptive translation, lexical-semantic substitution, generalization, paraphrasing, and elements of cultural adaptation. The productivity of this method is обусловлена the absence of direct equivalents in Chinese and the need to make culturally marked realia comprehensible to the Chinese reader while preserving their role in the text. Grammatical and adaptive methods are used mainly as auxiliary strategies and are applied in combination with the*

lexical method for structural and stylistic adjustment of the translation. The results obtained confirm that the lexical method of translation makes it possible to preserve the national and cultural specificity of Russian gastronomic non-equivalent vocabulary in Chinese.
Keywords: non-equivalent vocabulary, gastronomic vocabulary, translation methods, lexical translation method, cultural adaptation, literary translation, Russian-Chinese translation, «Dead Souls», N.V. Gogol.

На фоне укрепления российско-китайских экономических и образовательных связей заметно увеличился интерес к русской культуре и языку со стороны иностранных студентов. Так, в Алтайском государственном педагогическом университете успешно функционирует Центр международного образования для иностранных граждан, а на базе Института филологии и межкультурной коммуникации активно действует клуб «Русский как иностранный», где проходят культурно-просветительские мероприятия, интеллектуальные встречи, направленные на формирование практических навыков владения русским языком. В данном контексте значимость приобретает проблема перевода русской безэквивалентной лексики на китайский язык, поскольку в ней отражены и закреплены уникальные реалии русской культуры и национальных традиций.

Целью настоящего исследования является анализ способов перевода русской безэквивалентной лексики на китайский язык. Материал исследования – поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души». Выбор данного произведения в качестве материала обусловлен рядом причин. Во-первых, оно дает яркую и целостную картину жизни и быта русского общества первой половины XIX века. Во-вторых, текст насыщен безэквивалентной лексикой русского языка, в том числе названиями традиционных блюд национальной кухни. Особое место в поэме занимает лексико-тематическая группы «еда», которая используется не только как элемент описания, но и как средство художественной выразительности и характеристики персонажей. Эта лексика отражает национальный колорит гастрономической культуры. Немаловажно и то, что передача культурно маркированных единиц русского языка на китайский язык представляет собой сложную переводческую задачу.

В исследовании используются следующие методы: описательный – для характеристики выявленных лексических единиц; сопоставительный – для сравнения оригинального текста поэмы с переводом на китайский язык, выявление сходств и различий в передаче безэквивалентной русской лексики; контекстуальный анализ – для выявления роли анализируемых лексем в создании образов персонажей в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».

Прежде чем, перейди к решению поставленных задач, определимся с ключевыми понятиями работы, к ним относятся «способы перевода» и «безэквивалентная лексика». Л. Л. Нелюбин раскрывает термин «способы перевода» как «объективно существующую закономерность перехода от одного языка к другому в переводческой деятельности» [1, с. 147]. При переводе с русского на китайский язык лингвисты, в частности Л. С. Бархударов, выделяют следующие способы: «грамматический, лексический, синтаксический, адаптивный, семантический, стилистический, коммуникативный» [2, с. 28]. Объясним понятие «безэквивалентная лексика» (далее: БЭЛ). Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров дают такое толкование понятию «лексические единицы, содержание которых не поддается прямому сопоставлению с иноязычными лексическими понятиями» [3, с. 78]. Таким образом, к безэквивалентной лексике относятся слова, обозначающие специфические для определенного культурного кода предметы, явления, реалии, а также слова, выражающие материальную и духовную культуру этноса. По мнению китайских исследователей, Ли Ц [4] и Янь Цюцзюй [5], данный термин интерпретируется как «лингвокультурный феномен, детерминированный расхождениями в культурных картинах мира русского и китайского народов, что порождает трудности в переводческой практике» [5, с. 124].

В ходе работы с русской безэквивалентной лексикой из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» нами выделено приемом сплошной выборки 21 лексическая единица. При переводе

большинства единиц русской кухни частотным является лексический способ, который включает в себя приемы: описательный, культурной адаптации, лексико-семантической замены, обобщение, перефразирование. При переводе также используются способы: грамматический, состоящий из: замены частей речи, изменения порядка слов, членения предложения; адаптивный, включающий: замену реалии, замены формы выражения, компенсации.

1. Лексический способ. Описательный перевод безэквивалентной лексики.

Рассмотрим этот способ на примере сцены встречи Ноздрева с Чичиковым, где местный помещик демонстрирует свою «широту души» и приглашает к себе в гости: *«Поедем ко мне! Каким балыком попотчую!»* [6, с. 85] Лексема *«балык»* – традиционный европейский деликатес. В России об этом блюде узнали в 18 веке. Оно представляет собой соленую или вяленую спинную часть рыбы. Выбор именно этого продукта неслучаен: балык маркирован как еда не повседневная, а «праздничная», что усиливает эффект демонстративной щедрости. В китайском переводе данная реалия передается описательно – *«干咸鱼脊肉»* [7] (сухое соленое рыбное филе). Здесь применена стратегия описательного перевода, которая делает значение понятным адресату, но одновременно стирает культурный ореол блюда и ослабляет социально-характерологическую нагрузку, заложенную в оригинале.

2. Лексический способ перевода безэквивалентной лексики с использованием приемов обобщения, лексико-семантической замены, культурной адаптации слов.

В оригинальном тексте поэмы частотной является лексема *«щи»* (традиционное блюдо русской кухни – капустный суп, в XIX веке ассоциировавшийся с обыденным рационом и незамысловатым крестьянским столом). Рассмотрим лексему в реплике Манилова: *«Прошу покорнейше, – сказал Манилов. – Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах, у нас просто, по русскому обычаю,* ***щи****, но от чистого сердца. Покорнейше прошу»* [6, с. 47]. Упоминание данного супа подчеркивает показную простоту, демонстративное гостеприимство и внешнюю мягкость героя. Сопоставляя скромную домашнюю пищу с *«обедами на паркетах и в столицах»,* Манилов стремится представить себя человеком, близким к народному укладу и чуждым светской роскоши. Однако избыточная вежливость и повторяющиеся этикетные формулы (*«прошу покорнейше», «вы извините»*) придают высказыванию ироническое звучание: за подчеркнутой сердечностью обнаруживается духовная ограниченность персонажа, что рождает сатирическую сторону в его образе. В китайском переводе лексема *«щи»* передается описательным способом – *«用青菜萝卜来招待客人»* [7] (угощать овощами и редиской). Это приводит к утрате точного номинативного значения исходного слова и ослабляет его связь с конкретным национальным блюдом русской кухни. С точки зрения переводоведения здесь используются приемы описательного перевода и обобщения, при которых культурно специфическая реалия подвергается лексико-семантической замене, для этого выбирается нейтральное пояснение. Дополнительно применяется прием культурной адаптации слов, ориентированный на читателя, не знакомого с русскими гастрономическими традициями. Вместе с тем данные трансформации вызывают частичную семантическую утрату, вследствие чего снижается выразительность лексемы *«щи»*, теряется ее смысловая нагрузка в раскрытии образа Манилова в переводном тексте.

3. Лексический способ перевода безэквивалентной лексики с использованием приемов лексико-стилистической замены, обобщения, перефразирования.

В ситуации встречи Чичикова с Коробочкой мы встречаемся сразу с несколькими единицами тематической группы еда: «блины», «пирог пресный с яйцом», грибки», «пирожки», «скородумки», «шанишки», «пряглы», «лепешки со всякими припеками <…>, с лучком, с маком, с творогом, со сняточками».

Пример 1: *«Хорошо бы было, – подумала между тем про себя Коробочка, – если бы он забирал у меня в казну муку и скотину. Нужно его задобрить: теста со вчерашнего*

вечера еще осталось, так пойти сказать Фетинье, чтоб спекла блинов; хорошо бы также загнуть пирог пресный с яйцом, у меня его славно загибают, да и времени берет немного» [6, с. 74].

Пример 2: *«Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой со сняточками, и невесть чего не было»* [6, с. 75].

Обратим внимание на лексемы, требующие разъяснения. *«Пирожки»* – небольшие изделия из теста с различной начинкой, будь то мясо, овощи или творог; они символизируют домашнюю выпечку, которой можно накормить не только семью, но и гостя. *«Скородумки»* – простые лепешки из теста быстрого приготовления. Название указывает на практичность и экономность, характерные для деревенского уклада жизни. *«Шанишки»* – открытые пирожки с молочной заливкой сверху (творог, сметана, яйца), часто подававшиеся к чаепитию; их форма и начинка отражают привычки неспешного и традиционного чаепития в крестьянской среде. *«Пряглы»* – изделия, находящиеся между лепешкой и булкой, без сложного вкуса, но сытные и удобные для еды в сочетании с другими блюдами. Особое место занимают *«блины»* – универсальное кушанье, которое подавалось как сладким, так и соленым; в русской культуре они ассоциируются с щедростью и достатком, так как пеклись в большом количестве и предназначались для гостей. *«Лепешки с припеками»* представляют собой изделия, в которые при выпечке добавлялись различные продукты: лук, мак, творог, грибы – для разнообразия вкуса без изменения основы теста.

В китайском переводе пример 1 передается с применением комплекса переводческих трансформаций:

*«**如果能和他搞好关系**，让他把我的面粉和畜肉给公家收购去就好了，家里还剩了一块昨天和的面，这就去让费季尼娅烙饼；做一个鸡蛋素馅饼也不错，她烤得很好，而且时间也很快». «**女主人出去叫人做素**馅饼的事去了，她还打算加上厨房里的一些其他烹饪作品»* [7] (перевод: «Если бы удалось наладить с ним хорошие отношения, было бы хорошо, чтобы он сдал мою муку и скот на государственную закупку; дома еще остался кусок теста, замешанного вчера, так что можно сейчас же пойти сказать Фетинье, чтобы она напекла блинов; приготовить также пресный пирог с яичной начинкой было бы неплохо – она печет его очень хорошо, да и времени это занимает немного. Хозяйка вышла распорядиться приготовлением пресного пирога; кроме того, она намеревалась добавить к угощению еще несколько других блюд, находившихся на кухне»). Специфические реалии русской кухни подвергаются лексическо-семантической замене и обобщению: традиционные блюда заменяются более универсальными и понятными китайскому читателю аналогами, такими, как *«薄饼»* (тонкий блин) и *«鸡蛋素馅饼»* (пресный пирог с яичной начинкой). Одновременно используется перефразирование, при котором внимание переносится на ингредиенты и способ приготовления, а не на культурную составляющую самих названий. Подобная стратегия способствует облегчению восприятия текста читателем иной культуры, однако приводит к частичной утрате национального колорита и ослаблению сатирического эффекта, заложенного в оригинале.

В китайском языке пример 2 подвергается существенной лексической нейтрализации: *«**乞乞科夫抬**头看到餐桌上已摆满了香菇、油煎饼、奶渣饼、薄饼、葱花饼、罂粟籽饼、胡瓜鱼饼，简直丰盛异常»* [7] (перевод: «Чичиков поднял голову и увидел, что на столе уже расставлены ароматные грибы, жареные лепешки, лепешки с творожной массой, блины, лепешки с зеленым луком, лепешки с маком, лепешки с рыбой и огурцом – все было необычайно обильно»). Диалектные слова и выражения заменяются общеязыковыми названиями: *«**油煎**饼»* (жаренная на масле лепешка), *«**薄**饼»* (блин). В результате этого текст

становится понятным для китайского читателя, однако в нем утрачивается национально-культурная составляющая. Сочетание таких приемов, как лексическо-стилистическая замена и перефразирование позволяет сохранить при переводе только общее содержание сцены, в которой изображается чрезмерно богатый стол. При этом утрачивается индивидуальная художественная образность и культурная специфика, значимая для восприятия образа Коробочки.

Отметим, что в примере 2 нейтрализации подвергаются и словообразовательный уровень русского текста. Дериваты с уменьшительно-ласкательными суффиксами, выполняющие экспрессивную функцию в речи Коробочки *«грибки», «пирожки», «скородумки», «шанишки», «лучок», «сняточки»*, при переводе на китайский язык получают иное смысловое наполнение, оттенок субъективной оценки нейтрализуется *«香菇»* (шитаке – древесный гриб, используемый в азиатской кузне и медицине)*, «油煎饼»* (жаренная на масле лепешка)*, «薄饼»* (блин), *«奶渣饼»* (лепешка с творогом), *«葱花饼»* (лепешка с луком), *«胡瓜鱼饼»* (лепешки с рыбой и огурцом). За счет этого приема речь персонажа звучит сдержанно и кратко. В ней доминируют стилистически нейтральные лексемы, что, в свою очередь, ослабляет эмоциональную окраску и снижает степень речевой характеристики героини.

4. Лексический способ перевода безэквивалентной лексики с использованием приемов стилистической нейтрализации, культурной адаптации с пояснением.

Обратимся к анализу отдельных примеров. Данный способ используется переводчиком при описании безэквивалентной лексики, связанной с образом Собакевича. Еда служит своеобразным «материальным портретом» персонажа. Выбор блюд, их размеры подача на стол помогают автору метафорически передать телесность, тяжеловесность и приземленную основательность героя: *«подошедши к столу, где была закуска, гость и хозяин выпили как следует по рюмке водки, закусили, как закусывает вся пространная Россия по городам и деревням, то есть всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями»* [6, с. 115]. Употребление водки и соленых закусок (огурцов, грибов, рыбы) здесь маркируется как привычный, почти ритуальный элемент народного быта. Выражение книжного характера *«возбуждающие благодати»* приобретает иную семантику: желание физиологического насыщения. В китайском переводе данный фрагмент представлен так*: «之后，主客们走到一张放着冷拼的小桌旁，照例喝了一杯伏特加，吃了一点儿冷食，—冷食同博大的俄国各地的城乡一样，就是各种盐渍的开胃的东西»* [7] (перевод: «После этого хозяева и гости подошли к маленькому столу, на котором были холодные закуски, как обычно выпили по рюмке водки, съели немного холодного, – холодное, так же как в огромной России по городам и весям, – это всякие соленые закуски»). Кроме того, в данном фрагменте используется прием синтаксической перестройки, относящийся к грамматическому способу. При переводе на китайский язык используется прием передачи безэквивалентной лексики с помощью частичной стилистической нейтрализаци. Благодаря этому приему общий смысл и национальная составляющая трапезы сохраняются, но образная и разговорная экспрессия оригинального текста (*«возбуждающие благодати»*) замещается пояснением *«开胃的东西»* (перевод: соленые закуски), что снижает сатирический оттенок сцены.

Во время обеда на столе Собакевича представлены русские национальные блюда «няня», «бараний бок с кашей», «ватрушки». Рассмотрим каждую лексему и ее перевод на китайский язык.

«Няня» – тяжелое мясное блюдо, представляющее собой бараний желудок, начиненный крупяной массой и субпродуктами. В русской кухне это блюдо ассоциируется не с изысканной, а с плотной, «грубой» сытной едой, рассчитанной на быстрое насыщение. Любовь Собакевича к этому блюду свидетельствует о доминировании физиологичности в

образе героя: *«Эдакой няни, – продолжал он, обратившись к Чичикову, – вы не будете есть в городе, там вам черт знает что подадут!»* [6, с. 115]. В китайской версии данный фрагмент звучит так:

«这样的包子他转身对乞乞科夫说，您在市里根本吃不到，天知道他们会往里塞什么» [7] (перевод: «Такие пирожки», – повернувшись к Чичикову, сказал он, – вы в городе вовсе не найдете, и кто знает, что там вообще подмешают!»). Здесь применен способ культурной адаптации с пояснением. Русская лексема в тексте заменяется более знакомым для китайского читателя понятием *«**包子**»* (пирожок с начинкой), а затем разъясняется ее состав. Кроме того, в сочетании с лексическим способом, здесь используется грамматический прием изменения синтаксической модели реплики Собакевича: *«Эдакой няни… вы не будете есть в городе»* [6, с. 115]. В китайском тексте реплика персонажа преобразуется в стилистически нейтральное предложение: *«这样的包子...**您在市里根本吃不到**»* [7] (перевод: «Такие пирожки вы в городе вовсе не найдете»). Данный прием облегчает восприятие текста, но смещает смысловой акцент. Блюдо начинает восприниматься как относительно привычное, а не как намеренно тяжелое и «шокирующее», вследствие чего сатирическая острота ослабевает.

Блюдо *«бараний бок с кашей»* представляет собой традиционное мясное блюдо русской кухни, основанное на сочетании баранины и крупяной начинки. В качестве основы используется бараний бок, который служит оболочкой для каши, смешанной с субпродуктами и жиром. Подобная структура блюда подчеркивает его функциональный характер: оно рассчитано не на вкусовую изысканность, а на питательность и длительное насыщение. В реплике Собакевича наименование блюда звучит в сравнении с блюдом французской кухни: *«Это бараний бок с кашей! Это не те фрикасе, что делаются на барских кухнях…»* [6, с. 116]. Бараний бок с кашей символизирует для героя устойчивость, простоту и надежность, тогда как *«фрикасе»* ассоциируется с неестественностью и даже обманом. В китайском переводе:

*«**吃点儿羊肉吧，他又**转身对乞乞科夫说，这是羊肋配米饭，不是城里老爷们厨房里做的那种羊肉，他们的肉在市场上放了四五天了！»* [7] (перевод: «Съешьте немного баранины», – затем он снова повернулся к Чичикову и сказал: «Это бараньи ребра с рисом, а не такая баранина, какую готовят на кухнях городских господ; их мясо на рынке лежит четыре – пять дней!»). Оппозиция в целом сохраняется, однако гиперболизация, важная в исходном тексте («мясо… четверо суток валяется»), нейтрализуется. Это свидетельствует о применении стилистической нейтрализации, при которой резкая оценка заменяется более сдержанным высказыванием.

«Ватрушки» – массивные изделия из теста с открытой творожной начинкой и *«индюк»* становятся завершением застолья: *«…ватрушки, из которых каждая была гораздо больше тарелки, потом индюк ростом в теленка…»* [6, с. 117]; *«гигантский индюк»*, нафаршированный различными продуктами – создают ощущение избыточности и тяжести, переходящей в физический дискомфорт. Метафора *«все ложилось комом в желудке»* [6, с. 117] переводит описание еды в плоскость телесного восприятия.

В китайском варианте:

*«**羊肋之后，奶渣**饼端了上来，每个都要比盘子大很多；不久又上了像小牛犊一样的大火鸡，里面塞满了各种馅»* [7] (перевод: «После бараньих ребер подали лепешки с творогом, каждая из которых была гораздо больше тарелки; вскоре подали также индейку, большую, как теленок, фаршированную всякими начинками») переводчик сохраняет масштаб блюд и принцип нагромождения, однако телесная метафора передается описательно и утрачивает экспрессию. Здесь вновь проявляется стратегия нейтрализации образной стороны повествования.

5. Лексический способ перевода в сочетании с приемом фонетической транскрипции.

Данный способ используется во фрагментах текста, передающих национальную культуру пития. Рассмотрим примеры из текста. В трактире хозяйка в диалоге с Ноздревым употребляет словосочетание «анисовая водка»: *«Впрочем, давай рюмку водки: какая у тебя есть? – Анисовая, – отвечала старуха»* [6, с. 85]. *«Анисовая водка»* – алкогольный напиток с ярко выраженным ароматом и устойчивой культурно-бытовой ассоциацией. В китайском тексте данный фрагмент звучит как *«不过来杯伏特加也行。你这儿有什么伏特加? — 茴香伏特加。老太婆答道»* [7] (перевод: «Но можно и рюмку водки. – Какая у вас водка? – Анисовая водка», – ответила старая женщина»). Здесь наблюдается сочетание обобщения с частичной конкретизацией: базовое понятие *«伏特加»* (водка) используется как универсальный эквивалент, а добавление *«茴香»* (анис) лишь частично компенсирует утрату национальной специфики. В результате сцена сохраняет исходный смысл, но теряет часть национального колорита.

Кульминацией темы пития алкогольных напитков становится сцена застолья в доме Ноздрева, где он вместо блюд угощает гостей алкогольными напитками: *«Зато Ноздрев налег на вина: еще не подавали супа, он уже налил гостям по большому стакану портвейна и по-другому сотерна, потому что в губернских и уездных городах не бывает простого сотерна»* [6, с. 93], что придает сцене социально-сатирическое звучание. «Портвейн» – алкогольный винный напиток. В китайском переводе: *«诺兹德廖夫对酒可非常上心：汤还没端上来，他就已经给客人们倒上一大杯波尔多葡萄酒，一大杯高级索特纳白葡萄酒，因为很多的省城和县城里是没有普通的索特纳白葡萄酒的»* [7] (перевод: «Ноздрев относился к алкоголю с большим вниманием: суп еще не был подан, а он уже налил гостям по большой рюмке бордового вина и по большой рюмке высококачественного белого вина «Сотерн», потому что во многих губернских и уездных городках обычного белого вина «Сотерн» не было»). «Портвейн» отсутствует как самостоятельное слово и передается через выражение: *«波尔多葡萄酒»* [7] (бордовое вино). В русской версии в этом же фрагменте употребляется лексема *«сотерн»*, представляющая собой алкогольный напиток. В китайской версии «***索特***纳白葡萄酒» переводчик использует лексический способ и прием фонетической транскрипции *«**白葡萄酒**»* (белое вино «Сотерн»), *«**高级**»* (высококачественный). Рассмотрим следующий пример: *«Потом Ноздрев велел принести бутылку мадеры, лучше которой не пивал сам фельдмаршал»* [6, с. 93]. На китайском языке:

«***后来***诺兹德廖夫又吩咐取来***一瓶***玛德拉酒，比这更好的酒恐怕大元帅也没有喝过»

[7] (перевод: «Позднее Ноздрев приказал принести еще бутылку мадеры, такой хорошей, что, боюсь, даже великий маршал не пробовал вина лучше») переводчик вновь использует лексический способ перевода, реализованный через прием транскрипции. Так *«мадера»* – алкогольный винный напиток, в китайской версии передается как *«玛德拉»* (мадера) с добавлением иероглифа *«**酒**»*, который переводится на русский язык как «вино, алкоголь» и выполняет функцию лексического уточнения.

Проведенное исследование показало, что при переводе гастрономической русской безэквивалентной лексики из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» на китайский язык, ведущую позицию занимает лексический способ перевода. Была проанализирована 21 лексическая единица.

Специфика русской гастрономической лексики заключается в ее тесной связи с национальной культурой, бытовыми особенностями, системой ценностей русского общества. Данные слова не имеют прямых эквивалентов в китайском языке. В условиях отсутствия номинативного соответствия лексический способ перевода демонстрирует высокую

продуктивность благодаря способности реализовываться через совокупность приемов, включая описательный перевод, лексико-семантическую замену, обобщение, перефразирование и элементы культурной адаптации. Использование данных приемов позволяет передать значение русских реалий, незнакомых китайскому читателю. В результате перевод ориентируется не на формальное воспроизведение исходной единицы, а на передачу ее содержательной функции в тексте.

Другие способы перевода – грамматический, адаптивный, в анализируемом материале носят вспомогательный характер и реализуются преимущественно в сочетании с лексическим. Они направлены на структурную или стилистическую корректировку текста, однако не способны самостоятельно обеспечить адекватную передачу русской безэквивалентной гастрономической лексики без опоры на лексико-семантические трансформации.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать разработка специализированного русско-китайского словаря безэквивалентной лексики. Такой словарь позволит систематизировать способы и приемы перевода, облегчит передачу культурно специфических лексем в русско-китайском переводе, а также поможет адаптации текстов русской литературы для китайских читателей.

Библиографический список

1. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – Москва : Флинта ; Наука, 2003. – 318 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Москва : Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Русский язык, 1990. – 246 с.
4. Ли, Ц. Перевод безэквивалентной лексики в китайской политической речи на русский язык / Ц. Ли // Litera. – 2024. – № 8. – С. 124–137.
5. Цюцзюй, Янь. Лингвокультурологическая методика обучения китайских студентов русскому языку (на примере русских заимствований в китайский язык) : учеб. пособие / Янь Цюцзюй. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – 21 с.
6. Гоголь, Н. В. Мертвые души: поэма / Н. В. Гоголь. – Москва : Художественная литература, 1984. – 352 с.
7. 鲁迅. 外国小说分类. – 北京: 人民文学出版社, 2005. – 410 页. – URL: https://m.99csw.com/book/9532/index.html (дата обращения: 14.04.2026).

Бадюк А.И., студентка 5 курса Лингвистического института,
Коротких Ж.А., канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ И ИХ ИСТОЧНИКИ В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛОВ

Аннотация. *В статье рассматривается использование прецедентных феноменов в заголовках англоязычных журналов. Устанавливается, что наиболее частотными в англоязычных журнальных заголовках являются национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены. Выделяются и анализируются виды прецедентных феноменов и их функции в заголовках. Доказывается, что прецедентные имена и прецедентные высказывания выступают как вербальные феномены, способные актуализировать*